

Эвелино Росеро

ДОМ ярости

NoAge
polyandria

2024

УДК 821.134.2(7/8)-31
ББК 84(7Кол)-44
Р74

Casa de furia

Evelio Rosero

Перевела с испанского Елена Горбова

Дизайн обложки: Randy Mora Reina

Росеро, Эвелио.

Р74 Дом ярости : [роман] / Эвелио Росеро ; [пер. с исп. Елены Горбовой]. — Санкт-Петербург : Polyandria NoAge, 2024. — 512 с.

ISBN 978-5-6050404-7-7

- © 2021, Evelio Rosero
- © Горбова Е. В., перевод на русский язык, 2024
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Поляндрия Ноу Эйдж», 2024

Мирейите, Мельбе Иоланде, Фабиоле, Пери и У.

Правду тебе говорю.

Тиресий

Часть первая

1

С украшенного розами и туберозами балкона Уриэла Кайседо, младшая из сестер Кайседо Сантакрус, разглядела вдруг дядюшку Хесуса, семенящего по бульвару юрким мышонком, то выныривая на солнце, то скрываясь в тени. Мысль срочно эвакуироваться с балкона осенила ее слишком поздно: дядя приветливо махал ей рукой, и она ощутила, как другая рука, невидимая, будто удерживает ее на месте, а на щеках расцветает румянец, свидетельствующий, что ее застали на месте преступления. Вот он воочию, признак дурного воспитания, подумалось ей. На этом балконе Уриэла провела почти все утро, все ждала — чего, кого? Ничего и никого; просто-напросто переваривала сногсшибательную новость: в эту пятницу, 10 апреля 1970 года, распалась группа «Битлз». Однако стоило ей решить, что пора пойти к себе и переодеться к празднику — совсем скоро на юбилей свадьбы родителей начнут съезжаться гости, — как под кронами деревьев замельтешила тень дядюшки, выскочка среди теней безукоризненных особняков этого района Боготы.

Однако на грандиозное семейное торжество дядюшку Хесуса никто не приглашал; да и кому, собственно, пришло бы в голову его пригласить? — подумала она.

Дядюшка остановился в аккурат под балконом. В его облике преобладала ветхость: сильно поношенный серый костюм, когда-то бывший частью гардероба Начо Кайседо, отца Уриэлы, болтался на нем, как на вешалке, рот беззвучно открывался и закрывался, словно дядюшка намеревался то ли откусить что-то чрезвычайно жесткое, то ли половчее приладить вставную челюсть, прежде чем заговорить. Через мгновение на пустынной улице и впрямь зазвучал его голос, в нем слышалась почти угроза, но и мольба; в любом случае, это явно голос игрока, отметила про себя Уриэла, замороженная взглядом змеиных глазок, впившихся в нее с тротуара в трех метрах под балконом. Руки дядюшки скрывались в карманах пиджака; заговорив, он начал сжимать и разжимать кулаки.

— Уриэла, а не забыла ли ты своего дядюшку Хесуса?

Опершись на перила и свесив голову вниз, Уриэла подтвердила, что дядю она не забыла; глядя, как легкий ветерок шевелит последние волоски на желтоватом черепе, как раздуваются волосатые ноздри, она ему улыбалась — а что еще ей оставалось делать? И все-таки эта улыбка семнадцатилетней девушки получилась вполне искренней, да и голос являл собой само воплощение сочувствия:

— Позабыть вас я бы ни за что не смогла, дядюшка.

— И то верно, — отозвался он, разводя руками и при этом вольно или невольно, но выставляя на показ вытертые швы на рукавах пиджака — жуткие, как шрамы. Голос его шипел и скрипел, словно голос висельника, только что вынутого из петли: — Мы же виделись ровно месяц назад.

Дядюшке Хесусу шел шестой десяток. Это был мужчина с остроконечными, будто приклеенными к голове ушами; из каждого комком белой ваты торчали волосы; эти огромные, как радары, раковины не мешали ему без конца сетовать на тугоухость, или же та настигала дядю именно в тот момент, когда его покидало желание что-то услышать; рот у него был большой, от уха до уха, нижняя челюсть острым углом устремлялась вниз, затылок казался птичьим, а кожа имела цвет кофе с молоком; подбородок был безволосым, глаза небольшими, ногти смахивали на когти хищника; не будучи коротышкой, выглядел он низкорослым и большей частью был лыс, казался то хитрецом и плутом, то глубоким мыслителем, и вновь хитрецом и плутом, средства же к существованию добывал, ежемесячно обходя всех родственников и требуя с них дань, которую сам называл пошлиной в его пользу, наложенной на все семейство. От этих поборов не освобождался никто: ни донья Альма Сантакрус, почтенная мать Уриэлы, вспыльчивая, как порох, женщина, приходившаяся Хесусу родной сестрой, ни, тем более, братья Хесуса или же те племянники, кто уже сам зарабатывал, ни старинные друзья семейства — никто не был избавлен от обязанности внести свою лепту в продление земного существования дядюшки.

Дядюшка Хесус никогда не изменял себе: в одно прекрасное утро он устроил парочке племянников телефонный звонок из госпиталя «Ла Каридад»: их дядя, дескать, скончался в результате сердечного приступа, займитесь покойником. Племянники, преисполненные почти искренней скорби, тут же примчались, однако на верхней ступеньке крыльца взорам их предстал не кто иной, как сам дядюшка Хесус, живее всех живых: руки сложены на груди, громовой голос требует в свою честь пиршества богача и попойки короля. И племянники повели-таки его в ресторан, где и сами ни на йоту не отстали от страждущего. С того дня дядюшка получил прозвище Хесус Доходяга*.

Официально Хесус Долорес Сантакрес занимался оформлением налоговых деклараций для всех желающих, чем, по его заверениям, он и жил, — в конторе на центральной улице Боготы, в аккурат напротив министерства финансов, вооружившись складным столиком, креслом и пишущей машинкой, он будто бы оказывал услуги финансового консультанта. Однако налоговые декларации дядюшка составлял настолько плохо и так изматывал клиентов мелочными расспросами, словно с порога обвиняя человека в желании укрыть от налоговой службы несметные сокровища, что вскоре его и без того скудная клиентура покинула его окончательно.

* Хесус — испанский вариант имени Иисус; как известно, Иисус Христос исцелял безнадежно больных. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. перев.*

Подумать только, что все это настигло Хесуса после благоденствия начальной поры его жизни, когда, на самой ее заре, он был богат и всеми любим, носил подобранные в тон фетровые шляпы и костюмы, что ни месяц наслаждался новой девушкой, приглашал по воскресеньям каждого встречного-поперечного разделить с ним за столом курицу и при первой же возможности прикладывался к рюмке, руководствуясь принципом «а почему бы и нет?».

Визиты младшего брата Хесуса входили в перечень тех немногих причин, которые повергали сеньору Альму Сантакрус в панику, причем никто не смог бы ответить на простой вопрос «с чего бы это?». Твердой рукой управлявшая своим супругом, шестью дочерьми, тремя собаками, двумя кошками и парой попугаев, державшая под строгим контролем и в ежовых рукавицах целую армию слуг, частично расположенную в столичном доме, частично в загородном поместье, брата она самым очевидным образом боялась — или, быть может, ненавидела? Семейные предания под семью замками хранили полушутливое предположение о том, что Хесус — подкидыш. Вот так, сразу, даже не прибегая к чуть более лестному статусу внебрачного сына. У всех кровных родственников Альмы Сантакрус кожа была белоснежной, а глаза светлыми; мужчины Сантакрус отличались высоким ростом, честностью в делах и прямолинейностью, а женщины —

красотой и прекрасным голосом, самой природой предназначенным для исполнения болеро; мечтательные и стройные, они одинаково искусно вальсировали и блистали в танго; в юности Альма Сантакрус стала королевой красоты в своем родном городке Сан-Лоренсо, а сестры ее были избраны принцессами. Хесус же, младший ребенок в семье, не обнаруживал с родственниками ни малейшего сходства ни со стороны внешности, ни в отношении характера: низкорослый, щуплый, с пепельно-серой кожей, не отличался он ни практичностью, ни какими бы то ни было успехами, зато был скандалистом, игроком и бабником; в молодости зачитывался памфлетами Хосе Марии Варгаса Вилы и обожал поэтические творения певца смерти Хулио Флореса, наиболее корявые строки которого любил цитировать по памяти:

Череп ему вскрыли пилой,
вытрясли оттуда мозги,
охладевшее сердце
вырвали из груди...

В общем, у сеньоры Альмы Росы де лос Анхелес Сантакрус в связи с великим торжеством семейства Кайседо никакой ассоциации с Хесусом не возникло, к тому же она просто не вспомнила о его существовании — да и с какой стати ей о нем вспомнить? — ведь единственным, что ее заботило, был их юбилей.

И вот она сидит в своей спальне, на краешке супружеской кровати, как и ее муж: каждый на своей стороне; ей пятьдесят два, ему — шестьдесят; оба

пробудились в объятиях друг друга, скорее из-за обычного для Боготы холода, чем вследствие взаимной нежности, хотя оба не преминули изобразить внезапно нахлынувшее на них страстное желание, будто пародируя то, что в молодости доставляло им такое наслаждение; поначалу супруги думали отпраздновать свой юбилей в Греции, где побывать им до сих пор так и не привелось, однако таможни и аэропорты показались им слишком утомительными, и родился замысел грандиозного праздника. Теперь они перебирали в уме друзей и родственников, которым предстоит отметить с ними этот день; и если оба, затеяв помпезное торжество, оказались его виновниками, то, по крайней мере, виновниками счастливыми. Супруги уже были близки к тому, чтобы распорядиться подать завтрак в постель, когда в их спальне неожиданно появилась Италия, пятая из шести дочерей: ей было девятнадцать, то есть на два года больше, чем Уриэле. Девушка остановилась и, ни слова не говоря, подняла взгляд на родителей. Она не поздоровалась, так и стояла столбом, в пижаме, до крови кусая губы, а по щекам ее катились слезы. Родители, толком еще не проснувшись, с нескрываемым изумлением глядели на дочь — не кошмар ли это? что делает здесь Италия, чего ради она льет слезы и молчит, ни дать ни взять Магдалина? — ведь они привыкли думать, что именно эта их дочь самая счастливая и красивая, самая желанная и любящая, самая балованная и откровенная, с этим ее трогательным, как у теленка, взглядом.

— Что это с тобой? — спросила Альма Санта-крус, пока ее супруг, многоопытный магистрат* Начо Кайседо, пыхтел, всовывая ноги в домашние тапки.

— Я беременна, — ответила Италия, заливаясь слезами пуще прежнего.

2

— Уриэла, лапочка, не угостишь ли меня чашечкой кофе? Дело-то нешуточное — тащиться сюда через полгорода на своих двоих за-ради того, чтоб только поздороваться с родственничками да поинтересоваться их самочувствием: у меня ж теперь и ноги ноют, и голова горит, и в сердце покалывает. А как дела у Альмы да как там твои сестренки? А магистрат уже на ногах? Давай, виноградинка ты моя, спускайся, да открой дверь, да проводи меня в кухню — мне бы горяченькой похлебки. К тому же заметь, я не претендую на столовую, удовольствуюсь и кухней, похlebка-то все равно одна.

— Не слишком удачный день для визита к маме. Сегодня у них с папой юбилей, будет вечеринка, гости придут, а вы и сами знаете, дядюшка, как она нервничает, стоит ей только вас увидеть. Лучше завтра.

— Вечеринка, говоришь, юбилей? Ай, Уриэла, а с чего это ты со мной на «вы»?

* Магистрат — мировой судья.